

Морозов Петр Осипович

Феофан Прокопович как писатель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Осипович М.**
Феофан Прокопович как писатель / Морозов Петр Осипович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 407 с.

ISBN 978-5-519-97484-4

ISBN 978-5-519-97484-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ.

Имя Оеофана Прокоповича, какъ одного изъ наиболѣ видныхъ дѣятелей Петровской реформы и какъ ученѣйшаго человѣка своего времени, справедливо пользуется извѣстностью въ нашей исторической литературѣ: изъ всѣхъ писателей первой половины XVIII столѣтія на его долю выпало наибольшее вниманіе со стороны нашихъ изслѣдователей. Не говоря уже о значительномъ количествѣ журнальных статей, касающихся, такъ или иначе, его личности и дѣятельности, достаточно указать на монографію Ю. О. Самарина: „Оеофанъ Яворскій и Оеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники“ (М. 1844) и на капитальный трудъ И. А. Чистовича: „Оеофанъ Прокоповичъ и его время“ (С.-Пб. 1868), дающій такъ много матеріаловъ для изученія личности Оеофана и его отношеній къ современникамъ. Но не смотря на всю извѣстность Оеофана, значеніе и характеръ его литературной дѣятельности остаются до сихъ поръ еще не вполне определенными. Самаринъ, въ своей диссертации, долженъ былъ ограничиться только проповѣдническою дѣятельностью Оеофана сравнительно съ дѣятельностью другаго проповѣдника; трудъ его, задуманный въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ вышла диссертация, не могъ осуществиться вполне, и авторъ постарался даже, по возможности, устранить вопросъ о содержаніи разсматриваемыхъ сочиненій и заняться только внѣшнею ихъ стороною. Г. Чистовичъ имѣлъ въ виду преимущественно факты внѣшней біографіи

Оеофана и его дѣятельность, какъ сотрудника Петра Великаго и какъ церковнаго администратора, особенно же — исторію борьбы, которую Оеофану пришлось вести съ своими многочисленными врагами; потому о литературной дѣятельности Оеофана онъ говоритъ только вскользь, мимоходомъ, не задаваясь цѣлью подробнаго разсмотрѣнія его сочиненій. Вообще, въ нашей исторической литературѣ, сколько намъ извѣстно, сдѣлано было только одно общее заключеніе о характерѣ и значеніи трудовъ Оеофана, какъ писателя, именно—въ книгѣ Пекарскаго: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (т. I, гл. XV), гдѣ указаны и наиболѣе рельефныя стороны его дѣятельности. Все остальное, что было написано у насъ о Оеофанѣ, представляетъ или только повтореніе того, что уже было высказано названными тремя писателями, или касается частныхъ вопросовъ его біографіи и его отношеній къ современнымъ ему дѣятелямъ.

Между тѣмъ, литературная дѣятельность Оеофана, столь обширная и разнообразная, представляетъ яркое воплощеніе идей и стремленій передовой части русскаго общества въ эпоху преобразованія; вопросы, имъ затронутые, нерѣдко были для нашего общества вопросами первостепенной важности, вліяніе его на дальнѣйшій ходъ нашей литературы едва ли подлежитъ сомнѣнію; поэтому и его сочиненія заслуживаютъ полнаго вниманія и подробнаго, по возможности, разсмотрѣнія въ интересахъ болѣе близкаго и точнаго знакомства какъ съ личностью самого писателя и его идеями, такъ и вообще съ характеромъ и направленіемъ умственнаго развитія общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлью хотя отчасти восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ; на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на попытку на основаніи фактовъ литературной дѣятельности Оеофана опредѣлить его мѣсто и значеніе въ исторіи русскаго литературнаго, въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ ходомъ ея развитія, и такимъ образомъ содѣйствовать уясненію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ эпохи преобразованія. Въ виду того, что факты внѣшней біографіи Оеофана уже достаточно разработаны, мы будемъ касаться ихъ здѣсь лишь настолько, насколько это необходимо для разъясненія его дѣятельности; въ замѣтъ того, мы считаемъ особенно важнымъ обратить вниманіе на состояніе русскаго просвѣщенія, которымъ обуславливалась дѣятель-

ность Теофана и ея характеръ, а также и на то вліяніе, которое онъ могъ имѣть на своихъ литературныхъ преемниковъ. Едва ли нужно добавлять, что чисто-богословскіе труды Теофана могутъ быть разсматриваемы здѣсь только по отношенію къ общественнымъ понятіямъ того времени, такъ какъ авторъ настоящаго изслѣдованія не признаетъ за собою права на оцѣнку этихъ трудовъ съ точки зрѣнія богословской. Подобной оцѣнки слѣдуетъ ожидать отъ лицъ, компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ.

I.

Состояніе русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII вѣкѣхъ.—Предшественники реформы—киевскіе ученые—и ихъ значеніе въ исторіи умственнаго развитія нашего общества.—Борьба элемента византійско-славянскаго съ латино-польскимъ и причины успѣха малороссійскихъ ученыхъ въ Москвѣ.

„Паризія—городъ обширный и многолюдный въ Галліи, которая нынѣ зовется Франза — держава великая и преславная, богатая безчисленными благами, изъ которыхъ первое и высшее—ученіе богословское и философское, даромъ преподаваемое всѣмъ желающимъ. Тамъ найдешь всякое художество, не только священное богословіе и философію, но и всякія внѣшнія ученія, въ совершенное достиженіе свое руководящія рачителей своихъ, которыхъ тамъ безчисленное множество.... Туда отовсюду стекаются, изъ западныхъ и сѣверныхъ странъ собираются въ великомъ городѣ Паризіи всѣ желающіе научиться словеснымъ художествамъ, и не только дѣти простыхъ людей, но и дѣти самихъ царей, королей, и боярскаго, и княжескаго сана—всѣ стремятся туда, проводятъ довольно времени, упражняясь въ ученіяхъ, возвращаются въ свои страны просвѣщенными, преисполненными всякой премудрости и разума и являются украшеніемъ своего отечества.... Туда надобно стремиться, тамъ заимствовать свѣтъ просвѣщенія и нашимъ боярамъ, и ихъ сыновьямъ!“

Въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ указывалъ русскому обществу на необходимость знакомства съ европейскимъ просвѣщеніемъ ученый инокъ, Максимъ Грекъ, въ первой половинѣ XVI столѣтія,—въ такое время, когда даже самое понятіе о томъ, что такое наука, что такое философія, было совершенно чуждо умамъ богобоязненныхъ Русскихъ людей...

Почти въ то же время Стоглавый соборъ (1551 г.) въ своихъ постановленіяхъ яркими красками изображалъ дѣйствительное положеніе русскаго образованія, настоятельно требуя, чтобы лица, желающія получить священство, умѣли грамотѣ, и сознавались, что даже и это скромное требованіе въ большинствѣ случаевъ едва ли достижимо. „Мы“ — говорили ставленники — „учимся у своихъ отцовъ

или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, потому насъ и учать“. „А отцы ихъ и мастера“, прибавляетъ соборное уложеніе,—„сами потому же мало умѣютъ, да и учиться имъ негдѣ. А прежде сего училища бывали въ Россійскомъ царствіи, на Москвѣ и въ Великомъ Новѣградѣ и по инымъ градомъ многіе грамотѣ, писати и пѣти и чести учили“, а теперь такихъ училищъ нѣтъ ¹⁾. Желая поднять уровень образованія хотя бы на столько, чтобъ удовлетворить самымъ насущнымъ въ то время потребностямъ церковнаго благочинія, соборъ предъявляетъ требованія самыя умѣренныя: вся учебная программа ограничивается умѣньемъ „чести, пѣти и писати“ ²⁾, но и это требованіе выполняется плохо: ученики, по замѣчанію царя, „грамотѣ учатся небрегомо“ и по книгамъ крайне неисправнымъ ³⁾. Эти замѣчанія Стоглава относятся къ людямъ, которые по самому положенію своему въ обществѣ обязаны были заботиться о просвѣщеніи и образованіи: здѣсь говорится о духовенствѣ, которое въ древнее время на Руси было единственнымъ „учительнымъ“ сословіемъ; а для того, чтобъ учить другихъ, оно, конечно, прежде всего само обязано было учиться. Наше старинное обученіе находилось въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи и было ея результатомъ; „вѣнцомъ словеснаго ученія и полного курса первоначальной науки“ была Псалтырь; азбука у тогдашнихъ книжныхъ людей называлась лѣствицею къ изученію Часослова, Псалтыри и божественныхъ догматовъ, а грамматика назначалась для того, чтобы знать, „какъ писать и читать каждую пословицу во святыхъ книгахъ“ ⁴⁾. Вся литература стремилась удовлетворять почти исключительно потребностямъ религіознымъ, церковнымъ. При такомъ отношеніи къ книжному ученію было вполне естественно, что у насъ, какъ и на Западѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, сложился взглядъ на грамот-

¹⁾ Стоглавъ, гл. 25.

²⁾ Стоглавъ, гл. 26.

³⁾ Стогл., гл. 5, вопр. 6. Ср. тамъ же, вопр. 5: «Божественныя книги писцы пишутъ съ неисправленныхъ переводовъ, а написавъ, не исправляютъ-же, и недописи, и точки непрямы; и по тѣмъ книгамъ чтутъ и поютъ и учатся и пишутъ съ нихъ».

⁴⁾ Опис. Рум. Муз., 1. Впрочемъ, грамматика была доступна въ то время очень немногимъ: въ некоторыхъ изъ своихъ статей Максимъ Грекъ говоритъ о ней, какъ о наукѣ, неслыханной его читателями и уразумѣваемой только съ величайшимъ трудомъ.

ность и вообще на книжное дѣло, впервые введенное у насъ духовенствомъ, какъ на занятіе, которое подобаетъ вѣдать однимъ только церковникамъ; для остального общества, и даже для высшаго класса—для князей и бояръ—грамота считалась дѣломъ вовсе необязательнымъ: „не наше дѣло книги читать, а чернеческое“, говорили они въ XII вѣкѣ ¹⁾, и даже четыреста-пятьсотъ лѣтъ спустя немногіе изъ нихъ умѣли читать и писать, да и то плохо ²⁾. Если же въ числѣ ихъ и бывали люди книжные, любившіе заниматься чтеніемъ и списываніемъ благочестивыхъ сочиненій, то о такихъ людяхъ лѣтописи всегда упоминаютъ съ особенною внимательностью, какъ о чемъ-то необычномъ, выходящемъ изъ ряду вонъ ³⁾. Вся громадная литература наша, до самаго XVIII столѣтія, обязана своимъ происхожденіемъ почти всецѣло одному учительному сословію—духовенству; писатели свѣтскіе по направленію своему нисколько не отличались отъ духовныхъ; „по крайней мѣрѣ“, замѣчаетъ г. Пыпинъ ⁴⁾,—„извѣстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы не колеблясь признали бы ихъ духовными лицами“. Единственными центрами и разсадниками просвѣщенія были монастыри—и этимъ объясняется, съ одной стороны, значительное умственное превосходство монастырскихъ книжныхъ людей надъ остальнымъ обществомъ, и съ другой стороны, исключительное направленіе умственного развитія и литературной дѣятельности въ до-петровской Руси. Въ этомъ отношеніи бѣлое духовенство, ближе стоявшее къ народу, довольно рѣзко отличается отъ чернаго, высшаго, и въ то время, когда монахи ведутъ богословскую полемику и пишутъ объемистыя сочиненія, обнаруживающія значительную начитанность, въ то время, когда ученый монахъ—правда, иностранецъ, а не Русскій—находитъ возможнымъ приглашать Русскихъ людей въ „Парижію“, громадная масса этихъ людей „обрѣтается во тьмѣ невѣдѣнія“, а непосредственные, ближайшіе наставники и пастыри этой массы „по Апостолу ступить не умѣютъ, по Псалтыри едва бредутъ, къ слову при-

¹⁾ Рукописи г. Уварова, т. II, вып. 1, стр. 71.

²⁾ См., напримѣръ, Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, I, №№ 184, 192, 194 и др.; *Соловьевъ*, Ист. Россіи, VII, 242.

³⁾ Напр. Лавр. лѣт. подъ 6545, 6726 гг.; отецъ Влад. Мономаха, в. кн. Всеволодъ, «изумляше пять языкъ»; Оп. Рум. Муз., 231; Оп. Сын. библ., II, 623, *Татищевъ*, IV, 70; *Шевыревъ*, III, 35; *Прав. Собес.* 1856, VI, 157, 177, 179; 1862, II, 135, 140, 151.

⁴⁾ Оч. ист. пов., 16—17.

стать не могутъ, и немного поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ея“¹⁾); знающіе же грамотѣ „больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются“²⁾).

„Болгарскія басни и бабскія бредни“ своимъ распространеніемъ среди читающаго люда были обязаны, конечно, тому исключительно-одностороннему направленію, которое было дано умственному развитію Русскаго народа подъ вліяніемъ образованности византійской. Византійская литература въ ту эпоху, когда началось вліяніе ея на нашу, совершенно утратила даже и воспоминанія о древнемъ эллинскомъ міросозерцаніи, и подъ вліяніемъ политическаго и общественнаго одряхлѣнія, замѣнилась въ тѣсномъ кругѣ идей и интересовъ церковно-религіозныхъ. Лучшіе представители общества, отчаявшись въ возможности дѣйствовать въ мірѣ нравственно-растлѣнномъ, отрекались отъ этого міра, какъ отъ грѣховнаго, погибшаго, преданнаго діаволу, бѣжали отъ него въ пустыню, въ монастырь, и тамъ всецѣло посвящали себя на служеніе тому аскетическому идеалу, который, по ихъ мнѣнію, былъ единственнымъ средствомъ для духовно-нравственнаго возрожденія и „спасенія“ общества. Результатомъ чрезмернаго преобладанія аскетическихъ идей было развитіе крайняго религіознаго эгоизма, то-есть, совершенное искаженіе первоначальной христіанской идеи любви къ ближнему: человѣкъ сузился до такой степени, что единственную цѣль жизни видѣлъ только въ спасеніи своей собственной души путемъ самоистязанія, насилуванія своей природы, отворачиваясь отъ міра и предавая его проклятію, какъ юдолю, исполненную бѣсовской прелести. Такимъ образомъ, идеалъ христіанской добродѣтели ставился внѣ гражданскаго общества, внѣ всякихъ человѣческихъ отношеній...

Проповѣдь аскетизма съ одной стороны и полемика съ ересями въ области метафизическаго богословія съ другой—вотъ единственныя задачи, рѣшеніемъ которыхъ занималась византійская литература того времени. Господство религіозныхъ идей достигло своего апогея въ концѣ IX вѣка; умственная дѣятельность сосредоточилась въ монасты-

¹⁾ Грамота Новгородскаго архіепископа Геннадія митрополиту Симону, въ Актахъ Ист., I, № 104.

²⁾ Оп. Рум. Муз., № СХСІІІ, стр. 242. Ср. Доп. къ Акт. Ист., I, № 151, IV, № 99.

рыхъ; все свѣтское — наука, искусство, поэзія—подверглось опалѣ, какъ языческое ¹⁾). Традиціонная вѣра, по самой сущности своей неизмѣнная, неподвижная, исключаетъ возможность дальнѣйшаго развитія и неизбѣжно вноситъ застой во всѣ области умственной жизни, подчиненныя ея вліянію. Такъ было и въ Византіи въ то время, когда Россія подчинилась ея духовному авторитету. Духовная власть, опираясь на содѣйствіе власти гражданской, выступила какъ хранительница и судія знанія, утверждая, что все знаніе уже находится въ Свщ. Писаніи и церковныхъ преданіяхъ, что здѣсь людямъ данъ не только непреложный критерій истины, но и все, что свыше суждено намъ знать. Такимъ образомъ, весь объемъ подобающаго людямъ знанія былъ опредѣленъ разъ на всегда, что, разумѣется, исключало возможность существованія свѣтской, самостоятельной науки и заключало пытливую мысль въ безвыходный заколдованный кругъ. Вслѣдствіе такой замкнутости, развитіе научной критики сдѣлалось невозможнымъ; наоборотъ, развилось безусловное подчиненіе авторитету, безусловное довѣріе къ книгѣ; мысль, не находя свободнаго выхода изъ тѣсной рамки теологическихъ идей, естественно, должна была устремиться на подробную разработку этихъ идей; вслѣдствіе этого, въ сферахъ высшихъ, знакомыхъ съ метафизическою философіей, развилась выработанная до тончайшихъ трансцендентальныхъ опредѣленій богословская догматика (чему способствовала и продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ сряду борьба съ неправославными мнѣніями); въ массѣ же народа, мало образованной и потому не имѣвшей интереса къ отвлеченнымъ опредѣленіямъ, особенное развитіе получила литература религіозно-повѣствовательная—легенды, апокрифы и т. п. — безсвязные отрывки средневѣковыхъ, псевдо-научныхъ свѣдѣній, „болгарскія басни и бабскія бредни“, въ которыхъ пытливый умъ народный искалъ и находилъ отвѣты на свои запросы и сомнѣнія. Наконецъ, общество, утомленное продолжительными религіозными спорами, стало все болѣе и болѣе терять интересъ къ церковнымъ вопросамъ и впадать въ религіозный индифферентизмъ; при отсутствіи же высшихъ умственныхъ интересовъ внѣ сферы религіозной, цѣлью жизни поставлено было наслажденіе; пороки, подъ именемъ удовольствій, стали быстро входить въ моду, и аскетическая проповѣдь оказывалась

¹⁾ Такъ, наприимѣръ, патріарху Іоанну Грамматику вѣнили въ преступленіе его занятія естественными науками и механикой, какъ несовмѣстныя съ достоинствомъ духовнаго лица (*Finlay, Hist. of the Greek and Byz. Empires, I, 194*).

противъ нихъ безсильною. При такомъ состояніи общества, суевѣріе и ханжество, конечно, развивались въ немъ легче, чѣмъ живое отношеніе къ религіи и искреннее религіозное чувство. Поклоняться иконамъ, почитать реликвіи, соблюдать внѣшніе обряды было, разумѣется, легче и проще, чѣмъ руководиться въ жизни принципами нравственности и правилами религіи; вслѣдствіе того явилось и развилось предпочтеніе формы содержанію, обряда—истинному духу религіи. Последняя стала все болѣе и болѣе приобретать характеръ традиціонной формы, обращаться въ мертвую букву, въ суевѣріе или въ орудіе для достиженія совсѣмъ не религіозныхъ цѣлей ¹⁾.

Въ эту пору византійскіе идеалы стали прививаться къ нашему молодому народу, жившему въ то время, можно сказать, въ первобытномъ состояніи, въ состояніи *tabulae rasaе*. По видимому, при такихъ условіяхъ Византія легко могла бы сообщить нашему народу христіанское просвѣщеніе, тѣмъ болѣе, что орудіемъ этого просвѣщенія являлся языкъ не чужой и непонятный народу, какъ было на Западѣ, а родственный и близкій къ русскому, что давало право ожидать, что религіозно-нравственныя идеи распространятся быстро и проникнуть въ народъ глубоко. На дѣлѣ, однако, оказалось иное, потому что живой силы нравственнаго вліянія Византіи въ это время уже не имѣла. Съ XI вѣка и чуть не до настоящаго дня въ нашей духовной литературѣ непрерывнымъ рядомъ идутъ нападки на „двоевѣріе“ нашего народа, на непониманіе имъ истиннаго духа христіанской религіи и морали. Отвлеченная доктрина христіанства была не по силамъ массѣ народа, умственно-неразвитаго и не подготовленнаго къ ея принятію; представителемъ этой доктрины явилось греческое духовенство, которое (въ большинствѣ случаевъ) видѣло въ новообращенной странѣ только новую епархію Константинопольскаго патріархата, служившую для него новымъ источникомъ доходовъ, и объ умственномъ развитіи народа, о разъясненіи ему и объ укрѣпленіи въ немъ христіанскихъ идей заботилось мало. Греческіе митрополиты, пріѣзжавшіе управлять дѣлами Русской церкви, писали для неграмотной массы такіа проповѣди и поученія, которыя могли читаться развѣ только въ Византіи, передъ слушателями образованными и имѣвшими интересъ къ труднымъ и отвлеченнымъ богословскимъ вопросамъ, — или же занимались нисколько не интересною и ненужною для русскаго общества того времени полемикою противъ латинства (Леон-

¹⁾ Ср. *Finlay, Greece under the Romans* (1857), pp. 517—518.

тій, Георгій, Іоаннъ II); русскіе духовные писатели старались подражать примѣру своихъ учителей-Грековъ (Кириллъ Туровскій); литература переводная (преимущественно творенія отцовъ церкви) требовала отъ читателей довольно значительной степени умственного развитія, а потому въ массѣ распространялась очень туго; такимъ образомъ, эта масса (за немногими исключеніями) оставалась безъ живаго слова, безъ разъясненія самыхъ элементарныхъ положеній новой религіи. Естественно, что при такихъ условіяхъ новая религія осталась, по существу своему, непонятою и для массы обратилась въ мертвый обрядъ, въ принудительную внѣшнюю форму, подъ которою продолжали жить старыя языческія традиціи, болѣе близкія сердцу народа и болѣе доступныя его уму.

Говоря такимъ образомъ, мы, однако, не думаемъ совершенно отрицать существованія въ Русскомъ народѣ того времени идеальнаго, внутренняго религіознаго чувства; это чувство, конечно, существовало; но проявленіе его во многихъ случаяхъ было безсознательно и во всѣхъ случаяхъ крайне односторонне, что слѣдуетъ приписать также влиянію идей византійскихъ. Выше мы указывали на развитіе въ Византіи, вслѣдствіе нравственнаго разложенія общества, крайняго аскетизма; въ Византіи этотъ аскетизмъ былъ понятенъ, какъ крайняя форма реакціи противъ нравственной испорченности общества, но примѣненіе этихъ идей къ обществу русскому не оправдывалось положеніемъ нашего народа и надолго задержало правильное развитіе русской жизни. Въ результатъ оказалось, что носителями идеальнаго религіознаго чувства были только монастырскіе подвижники, отрекавшіеся отъ міра и отрицавшіе міръ; между тѣмъ, въ массѣ народа аскетическій идеалъ обнаруживалъ только отрицательное дѣйствіе, способствуя развитію мистически-суетнаго страха передъ всѣмъ, что выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Міръ русской мысли, міръ русскаго чувства былъ, по выраженію Забѣлина, всесторонне закрѣпощенъ этому строгому оберегателю жизни (аскетизму), лишень воли, прирожденной всякому живому существу, лишень всѣхъ живыхъ движеній развитія и совершенствованія. Греки всѣми силами старались поддерживать насъ въ этомъ положеніи и называли насъ за это „христіаннѣйшимъ“ народомъ¹⁾. Старыя языческія представленія, смѣшиваясь съ новыми, христіанскими, перера-

¹⁾ Ἡ ἐννοία χριστιανικώτατος. См. Rambaud, L'Empire Grec au X siècle (1870), p. 386.